

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская

Южаночка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636005

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Единственное условие, с которым Южаночка сможет быть рядом с обожающим ее дедом – это поступить в институт в Петербурге.

Живая, избалованная Ина, дитя природы, с трудом привыкает к казенному и четко регламентированному быту...

Содержание

Глава I	4
Глава II	8
Глава III	14
Глава IV	22
Глава V	26
Глава VI	32
Глава VII	37
Глава VIII	40
Глава IX	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лидия Чарская

Южаночка

Глава I

Ее ждут

Дедушка, высокий, красивый старик в генеральском сюртуке нараспашку, вынул из бокового кармана жилета, телеграмму и чуть ли не в сотый раз прочел: «Приедем сегодня в три. Бранд». Потом, снова тщательно сложил бумажку, спрятал ее и, чуть-чуть приоткрыв дверь кабинета, громко спросил:

– Все ли у вас готово, Дарья Ивановна?

На пороге комнаты появилась маленькая, толстенькая, розовая старушка в черном фартуке, с ослепительно белым чепцом на головке.

– Все, как есть все готово, ваше превосходительство, – весело отозвалась она, сияя добрыми ласковыми глазами и ямочками на пухлых румяных щеках, – все готово: и комната для дорогой гостеньки и парадный обед и...

– А трубочки удались ли со сливками? – прервал ее на полуслове озабоченным тоном дедушка.

– Уж так-то удались, что и желать лучше нельзя, – так же

весело отвечала Марья Ивановна.

— А в новый умывальник свежей воды налили? — еще более озабоченно осведомился генерал.

— Только что Сидоренко целый кувшин вылил, ваше превосходительство, — вся сияя добродушием отозвалась старушка.

Дедушка с довольным видом кивнул белой как снег головой, взглянул на добродушное личико Марьи Ивановны и неожиданно, по юношески весело и радостно засмеялся:

— Едет она! Едет, наконец-то, наша Южаночка!

— Так точно едут-с, ваше превосходительство! — послышался грубоватый голос с порога комнаты и рядом с толстенькой шарообразной фигуркой Марьи Ивановны мгновенно выросла широкоплечая бравая фигура старого солдата, с коротко стриженной седой щетиной на голове с добрым морщинистым лицом с маленькими заплывшими глазками и с рыжими, как у таракана, во все стороны торчащими усами.

И Марья Ивановна и уса́тый солдат, иными словами денщик Сидоренко, составляли старую дедушкину гвардию. Лет двадцать тому назад дедушка, тогда еще, впрочем, не дедушка, а просто генерал Аркадий Павлович Мансуров, вышел в отставку и овдовел сряду, оставшись с семилетней дочерью на руках. Для маленькой Саши, лишившейся матери и была взята бонна Марья Ивановна. Когда Саша выросла, вышла замуж и уехала с мужем далеко на юг России, где стоял его

полк, Марья Ивановна осталась в доме старого генерала присматривать за хозяйством. Что же касается денщика Сидоренко, то он знал Аркадия Павловича Мансурова еще в более отдаленные времена. Дедушка и Сидоренко служили в одном полку, вместе ходили в поход на «турку» вместе делили все трудности походной жизни, вместе были ранены под Плевной, причем серьезно раненого в ногу дедушку, brave молодец Сидоренко вынес на руках из боя, не смотря на свою простреленную навывлет грудь, под громом неприятельских выстрелов. В один и тот же день и генерал Мансуров и денщик Сидоренко вышли в отставку, и не желая более разлучаться друг с другом, поселились вместе доживать свой век. И барин и денщик были связаны самой крепкой неразрывной дружбой. Один дополнял другого. Один без другого никак не мог обойтись. И сейчас, увидя в дверях своего верного слугу, делившего с ним и радость и горе, дедушка, чуть прихрамывая на больную ногу, приблизился к Сидоренко, хлопнул его по плечу и произнес, глубоко прочувственным голосом:

– Что, дружище, настал наконец и на нашей улице праздник? Уж теперь-то скоро увидим нашу Южаночку! Скоро, братец ты мой!

– Уж чего скорее, ваше превосходительство, – отозвался ему в тон слуга, улыбаясь всеми своими морщинами и шевеля тараканьими усами.

В это время Марья Ивановна, не отводившая глаз от окна,

неожиданно всплеснула руками и крикнула голосом полным отчаяния и страха.

– Ах, ты Господи! Еще этого не доставало! Снег пошел! Простудится еще чего доброго, наша барышня.

– Простудится? Южаночка простудится? Ха, ха, ха, ха, – веселым смехом разразился дедушка. – Не думаете ли вы, что какой-то снег может повлиять на здоровье Южаночки? Да она, голубушка наша, с детства приучена переносить всякие перемены погоды. В дождь, босыми ноженками ее бегать посылала покойная Саша, ванны из холодной ключевой воды ей делала, с непокрытой голо...

Тут дедушка оборвался на полуслове, не успев закончить начатой фразы. Оглушительный звонок дрогнул в передней и десятками отголосков зазвенел, переливаясь по всей квартире.

– Она! – вырвалось из груди генерала Мансурова и он махнул рукой.

Сидоренко, а за ним и Марья Ивановна с быстротой мало соответствующей их почтенным годам, кинулись в прихожую, перегоняя друг друга. Дедушка хотел было последовать за ними, но радостное волнение было так велико, что совсем лишило его силы. Его ноги задрожали и он невольно остановился на пороге кабинета, протягивая вперед трепещущие руки...

Глава II

Она приехала!

– Дедушка!

Что-то шумное, легкое, маленькое и ликующее, мокрое от снега, в белой шубке и таком же капоре, с быстротой стрелы и ловкостью котенка устремилось на грудь дедушки и повисло у него на шее.

И тотчас же целый град горячих поцелуев покрыл лицо старика. Белый капор скатился на спину и перед генералом Мансуровым предстала прелестная смуглая головка, с целым снопом густых смоляных кудрей. Эти кудри падали и на высокий умный лоб девочки и на ее разгоревшиеся от холода щеки и спускались спутанной живописной бахромой на черные, как угольки, огромные и сверкающие весельем и задором глаза.

Девочка была крепка, как молодая репка, стройна, ловка и очень хороша собой. Дедушке же она казалась, положительно, красавицей.

– Вся в мать! Вся в покойницу Сашу! Марья Ивановна! Сидоренко! Глядите! Вся в покойницу барышню Сашу, не правда ли? Что за прелестное дитя! – с выступившими на глаза слезинками произнес старый генерал.

А «прелестное дитя» уже прыгало козленком перед лицом

дедушки, держала его за рукав сюртука и болтала без умолку, как сорока:

– Ах, как интересно и ново было ехать, дедушка. Кушать и спать в дороге! Очень хорошо! Только вот «крыса» портила все дело. Всюду совалась с носом. Только и знала, что вору-чала: «Ина, не ходите туда, Ина не ходите сюда! Ина сидите смирно, Ина не болтайте ногами и не грызите ногтей!» Вот надоела-то до тошноты право! А то, если бы не она, все бы хорошо было! Ведь я ни на минуточку не забывала, что еду к тебе, дедушка! Я так хотела увидеть тебя поскорее, познакомиться с тобой... Вот и приехала! Вот и узнала! Ты чудо какой хорошенький, дедушка! Точно старый царь Берендей из сказки. Только у Берендея борода, а у тебя нет. Отчего ты не носишь бороды, дедушка? А Сидоренко? Где твой Сидоренко, про которого мне так много рассказывала покойная мамочка?

И, не умолкая ни на минуту, не выпуская из рук полы дедушкиного сюртука, чернокудрая девочка завертелась из стороны в сторону, блестя разгоревшимися глазками, сверкая перламутровыми, зубками, сияя очаровательной улыбкой.

– Вот он – Сидоренко! – не без гордости представил внучке своего верного слугу генерал Мансуров.

– Ах! – пронзительно взвизгнула девочка и одним прыжком отскочив от дедушки, другим, очутилась на шее ошалевшего от неожиданности и счастья старика-солдата. – Го-

лубчик Сидоренко! Молодец Сидоренко! Я вас очень люблю, Сидоренко, и всегда молюсь за вас, за то что вы не дали погибнуть дедушке и спасли его жизнь! Ах, как я вас люблю за это! – срывалось самым искренним тоном с губ Ины.

Старый денщик сиял от радости. Сиял дедушка, сияла Марья Ивановна... У всех троих на лицах изобразились самые умильные, самые счастливые улыбки.

И вдруг, сухой, холодный голос нарушил общее очарование.

– Ина! Куда вы забрались! Постыдитесь! Взрослая десятилетняя барышня висит на шее у прислуги!

Дедушка, Сидоренко и Марья Ивановна живо обернулись в ту сторону, откуда слышался голос.

На пороге кабинета стояла дама, небольшого роста, сухая, тощая с сутуловатой спиной, в скромной блинообразной дорожной шляпе, поверх гладко причесанной головы, в простом, строгого фасона гладком платье, с бледным худым лицом, носившим на себе печать сухости. От нее так и веяло холодком.

– Это и есть крыса! – успела шепотом пояснить дедушке Ина и не сходя с рук Сидоренко, сердито блеснув глазами, проговорила скороговоркой по адресу дамы.

– Во-первых Сидоренко не прислуга, а герой, а во-вторых оставьте меня в покое хоть сегодня!

– Ина! Вы грубая, дерзкая девочка и я попрошу вашего дедушку сделать вам строгий выговор за эти слова! – силь-

но сдерживаясь от охватившего ее гнева, произнесла дама и, сделав паузу, проговорила резко:

– Сейчас же сойдите на пол и оставьте в покое денщика!

– Сидоренко не денщик вовсе, а дедушкин друг! Молодец! Прелесть! – горячо вскрикнула Ина и, быстро соскользнув с рук солдата подхватила дрожащим восторженным голосом. – Вы разве не знаете, что Сидоренко – дедушкин спаситель? Подумайте только: спаситель. Вообразите только, M-lle Бранд эту картину: – Битва кипит... Турки дерутся... русские дерутся... все дерутся... Русские наступают... Турки их пушками... ружьями, саблями... всем! А русские молодцы! Все вперед! Все вперед! И дедушка тут же. Он ведет свой полк на приступ... Барабаны бьют... музыка... трубы... кричат ура!.. Вдруг откуда не возьмись турок! Огромный! Страшный. Кривая сабля в руке... Глазищи, как у волка... Да как над дедушкой саблей махнет! А Сидоренко тут как тут. По руке турку бац! Сабля лязг, мимо дедушкиной головы, только ногу задела... Дедушка упал. Сидоренко его поднял и марш-маршем назад. А турка – мертвый. По делом ему – чуть-чуть гадкий этакий, не убил дедушку!

И говоря это, Ина вся дрожала, бегала по комнате, махала руками, трепеща от охватившего ее волнения. Но M-lle Бранд, казалось, далеко не разделяла возбуждения девочки.

Тонкая усмешка кривила ее бледные губы.

– Перестаньте дурачиться, Ина, у вас ужасные манеры, – произнесла она строго и быстрыми шагами приблизившись

к дедушке, добавила по его адресу с легким поклоном:

– Позвольте представиться, генерал, Эмилия Бранд попутчица и будущая воспитательница вашей внучки.

Дедушка низко наклонил свою серебряную от седины голову и почтительно приветствовал госпожу Бранд.

Последняя, бросив мимолетный взгляд в сторону Ины, непринужденно болтавшей о чем-то, в полголоса с Марьей Ивановной, заговорила снова:

– Очень рада познакомиться с вами, генерал, и в тоже время мне крайне больно нанести вам глубокое разочарование по поводу вашей внучки в первый же момент вашей встречи с ней. Я уже отчаивалась довести ее благополучно к вам. С ней было столько хлопот! Боюсь, что и вам Ина доставит массу неприятностей. Впрочем, вам не придется терпеть их долго. Завтра вечером, не позднее девяти я попрошу вас привезти девочку в институт.

– Как? Уже завтра? – возгласом, полным испуга и недоумения вырвалось у дедушки. – Но побойтесь Бога, сударыня! Я пробуду только сутки с моей внучкой, свидания с которой ожидал целые годы! – и дедушка поник с грустью своей красивой, серебряной головой.

– Что делать, генерал! Такова была воля Агнии Петровны Палтовой, сестры вашего покойного зятя, опекуни Ины. Тетка девочки решила немедленно отослать Ину в наше учебное заведение, так как девочка зарекомендовала себя с самой дурной стороны. Как ни тяжело мне огорчать вас, ге-

нерал, но поступление Ины Палтовой в институт вызвано только целью ее исправить строгим казенным режимом. Я не хочу сказать, что это наказание однако, но...

– Наказание... исправление... строгий режим... но вы буквально огорошили меня, сударыня? Чем зарекомендовала себя дурно моя девочка, что нуждается в исправлении? – высоко подняв свои седые брови, спросил взволнованным голосом дедушка.

Тонкие губы госпожи Бранд стали еще тоньше. Она сердито поджала ими и уставившись своими выцветшими глазами в лицо хозяина дома, произнесла совсем уже сухо:

– Вы сами, с минуты на минуту убедитесь, генерал, что продолжительное пребывание Ины у вас в доме немыслимо. Ваша внучка испорченное, своевольное, злое дитя, требующее строжайшего присмотра за собой и самого серьезного исправления. Только в самом дисциплинированном учебном заведении еще можно будет надеяться ее исправить и, даст Бог, наш институт преуспеет в этом, потому и прошу вас, генерал, не медля ни одного дня, доставить к нам вашу внучку – и, с легким поклоном, госпожа Бранд поспешно вышла из кабинета, не удостоив ни единым взглядом виновницу ее негодования, воспользовавшуюся этим и высунувшую вслед удалившейся наставнице язык.

Глава III

Черные глаза не лгут

Волнение дедушки было так велико, что он не только за-был предложить госпоже Бранд пообедать у него и отдохнуть с дороги, но и поблагодарить последнюю за все дорожные хлопоты о его внучке. Мысль о том, что его черноглазую Иночку, его ненаглядную Южаночку отдают, как бы в наказание в закрытое учебное заведение, положительно заполнило все существо дедушки, не давая ему покоя. До сих пор генералу Мансурову, не приходилось слышать о том, что его внучка являлась испорченным и скверным ребенком. Правда, тетка мужа его покойной дочери, опекунша Ины, часто писала дедушке, что ее племянница – очень беспокойное, не в меру шаловливое существо и, что рано или поздно ее придется отдать для «шлифовки» в какое-либо учебное заведение для благородных девиц. Но не о испорченности, ни о злом характере девочки не было и речи. Поэтому, и не мудрено, что сообщенное госпожой Бранд известие явилось громовой новостью для доброго старика.

Ему бесконечно стало жаль Южаночку, эту маленькую десятилетнюю круглую сироту девочку, с которой он вел горячую переписку с тех пор, как ребенок научился держать перо в руках и выводить им на почтовых листах свои незамысло-

ватые каракульки. Ни на минуту не поверил однако дедушка словам строгой наставницы, и все его симпатии оставались на стороне Ины.

«Здесь, очевидно, кроется, какое-то недоразумение», — теряясь в догадках, решил дедушка, и ему остро до боли, захотелось сейчас же расспросить обо всем подробно свою юную гостью.

С этой целью он оглянулся в тот угол, где черноглазая Южаночка только что беседовала с его «старой гвардией». Но к великому изумлению генерала, ни черноглазой Южаночки, ни «старой гвардии» уже не было в комнате. Только из столовой смутно доносился звон посуды и веселый детский голосок, заливавшийся серебристым колокольчиком-смехом на всю квартиру.

Предчувствуя что-то недоброе, генерал Мансуров поспешил туда. Первое, что бросилось ему в глаза при появлении его в комнате, это растерянные лица Сидоренко и Марьи Ивановны.

— Что случилось? Где же Южаночка? — не замедлил спросить дедушка, ощущая в душе ту же смутную тревогу.

— На верхи-с, ваше превосходительство их высокородие извоили забраться. — отрапортовал Сидоренко опуская руки по швам и вытягиваясь в струнку перед своим генералом.

— На какие верхи? Что ты мелешь, дружище? — широко раскрыл недоумевающие глаза дедушка. Но тут взрыв неудержимого смеха, раздавшийся откуда-то сверху, заста-

вил его поднять голову и разом понять в чем было дело. Ина сидела на буфетном шкафу с огромным блюдом трубочек на коленях. Она весело болтала стройными ножками, обутыми в черные длинные чулки, и заразительным смехом уничтожала десерт, не забывая при этом, прежде нежели отправить трубочку в рот, обмокнуть ее в битые сливки, красиво заполнявшие середину блюда.

– Что ты делаешь, Южаночка! Как можно кушать сладкое до супа и жаркого. И зачем ты влезла на буфет? Еще, сохрани Бог, свалишься оттуда! – с неподдельным ужасом воскликнул дедушка, инстинктивно протянув руки по направлению к буфетной вышке.

– А тебе это очень неприятно, милый дедушка? – лукаво прищутив черные глазки, осведомилась сверху шалунья.

– Очень неприятно, девочка, – самым искренним тоном отвечал тот.

– В таком случае, я слезаю вниз! Голубчик Сидоренко, держите блюдо! Так. Великолепно! А теперь раз, два, три! Поворот напра-аво! Марш-маршем вперед! Ур-р-ра!

И едва только денщик успел принять из рук Ины блюдо, как девочка с веселым смехом скользнула вниз и, разметав руки, пронзительно взвизгнув упала на турецкую оттоманку, стоявшую по соседству с буфетом. Крик испуга не успел сорваться с губ дедушки, когда Ина, как резиновый мячик, подпрыгнув на мягких пружинах оттоманки, уже стояла перед ним и взяв под козырек, звонким голосом рапортовала,

копируя солдата.

– Честь имею доложить вашему превосходительству – неприятель еще не показывался. На горных высотах все спокойно. В долинах тоже. А теперь... – Шалунья щелкнула языком, прищурилась и скроив потешную рожицу, – прибавила уже обычным своим тоном: – А теперь обедать, обедать скорее дедушка. Твой бедный солдатик ужасно проголодался делая рекогносцировку. Надо, к тому же, доказать тебе, дедушка, что храбрые войны могут с успехом после трубочек с взбитыми сливками кушать и жаркое и суп...

И с тем же беспечным смехом, Ина подпрыгнула на одной ножке и повисла на шее дедушки. Но вот глаза ее встретились с его глазами. Печальное выражение этих глаз, идущее в разрез с общим выражением лица дедушки, улыбавшимся ласково и нежно, поразило девочку.

– Дедушка! Миленький! Хорошенький! Золотенький дедушка! Отчего ты такой грустный? Отчего у тебя глазки туманные, дедушка? Неужели из-за меня? Скажи, чем я огорчила тебя, дедушка?

И черные глаза Южаночки с тревогой, заботой и лаской заглядывали в лицо деда.

А сердце генерала сжималось все сильнее и сильнее. «Уж не за подобные ли поступки подвергнута строгому наказанию, эта милая, ласковая, черноглазая девочка?» – мысленно задавал себе вопрос Мансуров и тут же решил, во что бы то ни стало добраться до истины.

– Послушай, Южаночка, – проговорил он ласково и серьезно, взяв в обе ладони разгоряченное румянцем смуглое личико внучки и близко притягивая его к своему лицу, – скажи мне правду, за что тебя тетя Агния отослала из дому и отдает в институт? Только правду, одну истинную правду хочу я знать, Южаночка!

– Конечно, я скажу тебе правду, дедушка, я всегда говорю только одну истинную правду, – слышался покорный ответ девочки, произнесенный таким чистосердечным голосом, что трудно было не поверить искренности обладательницы такого милого, правдивого голоса...

А темные брови Южаночки, между тем, нахмурились, черные угольки-глаза чуть-чуть затуманились грустным облачком, а смуглое личико приняло вдруг строго-печальное выражение.

– Я очень, очень дурная девочка! – проговорила Ина самым искренним тоном, – очень дурная девочка, и это тоже сущая правда, дедушка. Я не знаю только, почему я такая дурная, когда мне всей моей душой хочется быть хорошей! Хочется делать все только доброе, прекрасное, а выходит на деле – одно дурное... Не находишь ли ты это поистине ужасным, дедушка? И так это всегда неловко выходит, если б ты только знал! Тетя Агния постоянно бранила меня! За все бранила! И за то, что я по деревьям лазила, и за то, что с татарскими ребятишками потихоньку бегала купаться в море. И что Эмильку Федоровну крысой прозвала, эту самую

Эмильку Федоровну, крысу бесхвостую, которую ты сегодня видел. Она служит классной дамой в N-ском институте, в том самом, куда тебе придется отвезти меня завтра, бабушка. Она давнишняя подруга тети и провела у нас все последнее лето. Вот-то была потеха с ней! Ха, ха, ха, ха!

Тут Ина, вспомнив что-то, очевидно, очень веселое, громко, раскатисто рассмеялась во все горло.

– Слушай, слушай, что только было у нас с ней, бабушка! – подхватила она еще с большим одушевлением между шумными взрывами смеха. – Как-то раз я положила Эмильке-крысе, лягушку в постель... Ах, как она кричала... Кричала и дрыгала ногами, точно на ниточке паяц. «Змея! Змея!» – кричит! И умоляла меня: «Спасите меня, спасите!» Я чуть не умерла со смеху. Но ты сам посуди только, бабушка, разве не смешно бояться лягушки, которая никому не может причинить вреда? Разве можно за змею принять лягушку? А кучер Ермила так испугался Эмилькиных криков, что прибежал с оглоблей из конюшни змею убивать! Вот-то была умора! Я так смеялась, что осипла, а тетя страшно рассердилась на меня. Заперла в чулан на целый день и потом на другое утро я узнала, что они меня решили с «крысой» в институт отправить. Ну, вот и все. Я тебе все самое главное рассказала, бабушка, а остальное все в том же роде. Видишь, какая я дурная! – совсем уже печальным голосом заключила Южаночка и все радостное оживление ее скрылось в один миг.

– Все ли, деточка? – серьезным голосом переспросил дедушка, которому в одно и то же время хотелось и пожурить внучку и расцеловать ее прелестное, приунывшее теперь личико. А она уже хмурила лоб, сдвигала брови, изо всех сил стараясь припомнить, не совершила ли она какой-либо еще предосудительный поступок «из важных», чтобы не забыть рассказать его дедушке.

– Вспомнила! Вспомнила! – неожиданно сорвалось из алых губок Ины веселым радостным звуком. – Ах, вот-то еще была потеха. Ты только послушай, что я сделала, дедушка. Ха, ха, ха, ха! Я сняла с верхового Гнедки седло и переложила его на теленка Кичку. А сама села на Кичку и поехала на нем, как на лошади. Кичка прыгал, как полоумный и совершенно ошалев, кинулся к дому, влетел на террасу, где тетя с «крысой» пили кофе, и прямо к столу... Тетя так испугалась, что упала со стула. И опять мне влетело по первое число. Опять целый день в чулане на хлебе и воде. Теперь уже я окончательно все до капельки рассказала тебе, дедушка!

– Нехорошо все это, Южаночка, – покачивая головой, произнес Мансуров, всячески силясь скрыть улыбку, предательски морщившую его губы.

– Знаю что плохо, дедушка! – опять делаясь серьезной, проговорила девочка, – но мне кажется, что если бы тетя Агния не наказала меня отдачей в институт, Бог знает, когда еще удалось бы мне повидаться с тобой мой милый,

мой хороший дедушка! А я так тебя люблю! – неожиданно закончила она свою речь горячим поцелуем.

– Я и не сомневаюсь в этом, моя крошка! – проговорил старик, нежно поглаживая прильнувшую к нему черненькую головку, – ну, а теперь скорее обедать, а то и суп остынет, и пирожки.

– Слушаю-с ваше превосходительство! – вытягиваясь в струнку отчеканила Ина и к вящему удовольствию совсем очарованного ею Сидоренко, размахивая в такт руками, шумно, как заправский солдат, замаршировала к столу.

Глава IV

Кто была Южаночка

Когда молоденькая и хорошенькая Сашенька Мансурова вы шла замуж за капитана Палтова, и уехала на далекую южную окраину России, где квартировал полк ее молодого супруга, Аркадий Павлович Мансуров совсем приуныл в разлуке с дочерью. Сашенька была единственной радостью, единственным утешением в жизни старого генерала. К тому же, Аркадию Павловичу почему-то казалось, что он уже никогда не увидит больше своей ненаглядной дочурки, и эта страшная мысль бесконечно мучила старика.

Прошел год и вскоре он получил известие от молодых супругов о рождении у них дочери. Там, далеко, на берегу теплого, синего моря, на чудесном цветущем юге родилась девочка Южаночка, смуглая, большеглазая, крепкая и здоровенькая, как майский день.

Рассказами об этой девочке, описаниями жизни малютки, были полны письма ее матери к старому генералу. А старый генерал в свою очередь еженедельно осведомлялся о здоровье новорожденной, слал ей игрушки, подарки, нарядные детские капотики, погремушки и разные красивые вещицы, являвшиеся необходимостью в жизни маленькой бэби.

Как сокрушался бедняга, что раненая нога давала себя

чувствовать время от времени и не позволяла генералу выезжать из Петербурга, где были лучшие доктора, не перестававшие подлечивать Аркадия Павловича и этим поддерживавшие его жизнь. За то, как мечтал старик увидеть у себя свою маленькую Южаночку, как он прозвал далекую внучку. Увы! Его надеждам не суждено было оправдаться скоро. Александра Аркадьевна Палтова недолго прожила на далеком юге. Красавица Сашенька умерла, оставив на руках мужа четырехлетнюю дочку.

Известие о смерти дочери старик Мансуров получил в то время, когда ожидал всю семью Палтовых к себе гостить.

Это ужасное несчастье едва ли не стоило ему жизни. Он заболел опасно и выздоровел только чрез несколько месяцев благодаря нежному уходу Марьи Ивановны и Сидоренко. Теперь, письма с юга приходили значительно реже. Зять писал тестю мало и скупо.

Капитан Палтов был слишком занят службой в своем далеком захолустье и ему не было времени вести аккуратную переписку с отцом покойной жены. К тому же горе потери любимой женщины так подействовало на молодого офицера, что весь он ушел в него.

Зато какой бесконечной радостью наполнилось сердце старика-генерала, когда в один прекрасный день его верный Сидоренко подал своему барину небольшой конверт, надписанный вкривь и вкось безобразными детскими каракулями. Это было письмо Южаночки! Первое письмо далекой

ненаглядной внучки!

С сердечным трепетом вскрыл письмо это старый генерал. Семилетний автор письма торжественно сообщал «милому, золотенькому дедушке», что теперь она Ина уже большая девочка, выучилась писать и будет вести длинную и аккуратную переписку с дедушкой.

И вот с двух противоположных краев России с севера на юг, и с юга на север полетели письма. Дедушка писал внучке, внучка дедушке. Теперь старый генерал знал отлично всю подноготную своей ненаглядной Южаночки. Знал все ее радости и горести, знал все, что не делалось там далеко на юге, в охранявшем русские границы полку.

Ина писала дедушке обо всем: о постоянной задумчивости и угрюмом теперь настроении отца, о строгой тете, родной сестре ее папы, Агнии Петровны, заменявшей в доме место покойной матери, и о своих любимых солдатиках. О последних девочка отзывалась с бурным восторгом. Еще бы! Как ей было не любить их. С самой колыбели Ина проводила среди них свое раннее детство. Из окна своей спальни она видела, как производилось ученье на плацу, видела с какой ловкостью и быстротой, стройно и красиво двигались солдаты, под звуки военной музыки на парадах, с каким добродушием и готовностью старались угодить ей «маленькой капитанской барышне», в которой буквально не чаяли души. Принести букет цветов Ине из долины, спелой ягоды из лесу, поймать ей голосистую малиновку в роще, притащить

зеленую ящерицу с поля, все это каждый солдатик считал своим нравственным долгом. Ей на славу выездили гнедого Красавчика, на котором отец позволил ездить девочке в сопровождении тех же верных солдат по окрестностям. Ей же с особой тщательностью выдрессировали маленькую чекалку,¹ пойманную в лесу, ходившую всюду как собачонка по пятам за своей юной госпожой. Словом, между Иной и «ее солдатиками» была самая трогательная дружба. О них то, о своих верных друзьях и писала, так много и часто далекому дедушке, маленькая внучка.

А года шли, Ина подрастала. Вдруг новое неожиданное несчастье с поразительной быстротой обрушилось над темнокудрой головкой. Владимир Петрович Палтов неожиданно скончался, едва успев вручить дочь под опеку ее тетки и его сестры, о чем возвестило дедушку печальное письмо девятилетней Ины.

¹ Чекалка или чекал (*здесь*) – название шакала на Кавказе.

Глава V

Когда засветились огни...

После обеда в большой гостиной зажгли люстру и дедушка, угостив Южаночку сладким десертом, провел ее туда.

Войдя в большую просторную комнату, девочка внезапно притихла. На ее за минуту до этого оживленном личике отразилась печаль. Ее черные глазки, устремились куда-то вперед, подернутые грустью. Дедушка взглянул по тому направлению, куда смотрели черные глазки и глубоко вздохнул:

– Ты узнала твою маму, девочка? – тихо шепнул он, вглядываясь с печальной улыбкой в портрет висевший на стене гостиной. На этом портрете была изображена совсем еще молоденькая девушка в белом вечернем туалете, как две капли воды похожая на маленькую Ину.

– Я очень любила маму, – проговорила Южаночка и горько-горько плакала, когда Господь взял ее к себе на небо... Если б мама и папа были живы, мы бы приехали все вместе к тебе, дедушка... и... и... меня бы не отдали в этот противный институт...

– Но в этом «противном», как ты называешь его институте, есть много хороших девочек, Южаночка! – произнес, утешая внучку, старый генерал.

– Ах, дорогой мой! – серьезно, совсем, как взрослая про-

говорила девочка, — ты совсем позабыл, что там есть и крыса, которая ненавидит меня... И... и, потом, как же мне может быть весело с девочками, которые вероятно боятся уплывать далеко в море, лазить по деревьям, скакать верхом, как я умею! А петь песни они уже и верно не умеют, как я милый дедушка.

— А ну-ка спой мне песенку, Южаночка! Покажи твоё искусство! — с добрым смехом попросил Мансуров.

И прежде чем успел он закончить свою фразу, Южаночка кинулась к роялю, стоявшему в углу комнаты, подняла крышку и усевшись на высоком табурете, положила на клавиши рояля свои маленькие пальчики, заиграла и запела. Это была прелестная, хорошо знакомая дедушке песня про ангела, улетавшего на небо с душой умершего человека, песня столь часто петая ему его покойной Сашей.

Серебристый голосок Южаночки то звенел колокольчиком на всю квартиру, то затихал до шепота и словно воркующий голубь чуть слышался в тишине.

Из кухни пришли, привлеченные этим пением, Марья Ивановна, кухарка и мальчишка-поваренок. Из буфетной неслышно появился Сидоренко с полотенцем в руках, и все с блаженными лицами замерли на пороге. Марья Ивановна плакала от умиления, кухарка тоже вытирала грязным передником слезы. У Сидоренко шевелились его тараканьи усы, а мальчик Прошка так широко разинул рот от изумления, точно хотел проглотить разом и самый рояль и маленькую

певицу, обладающую таким чудесным неземным голосом.

Что же касается дедушки, то он не спускал глаз с Южаночки, его сердце билось сильно, его душа трепетала, сжимаясь сладкой и нежной тоской. И вот, когда все присутствующие, поддавшись очарованию пения, почувствовали себя, словно отрешенными от земли, вдруг свершилось нечто совсем неожиданное. Южаночка неистово забарабанила изо всех сил обоими кулаками по клавишам, бурно вскочила с места, повалив с грохотом табурет, и в одно мгновение растрепав свои черные кудри, упавшие ей на лоб, глаза и щеки, дыбом вставшие на затылке, завертелась волчком по комнате, неистово завывая во весь голос:

Гу-гу-гу-гу.
Я по лесу бегу,
Прочь с дороги, прочь!
Схорони, темна ночь!
Мне не птицей лететь...
Мне по сучьям хрустеть
Я медведь, медведь, медведь,
Гу-гу-гу.
Я по лесу бегу!
Прочь с дороги, прочь!

Последние слова она взвизгнула так пронзительно перед самым носом Прошки, что злосчастный – поваренок отскочил, как ошпаренный, к дверям залы, и с испуганным лицом

бросился дальше, в кухню. А Южаночка кинулась к дедушке, уткнула ему в колени свою черненькую как мушка, головку и разразилась веселым, звонким смехом... Дедушка смеялся. Смеялись и Марья Ивановна и кухарка. Что же касается до Сидоренко, то его рыжие тараканьи усы, и морщинисты щеки плясали от удовольствия, а сузившиеся от смеха глаза, с явным обожанием устремились в веселое личико маленькой шалуны.

– Это медвежий танец, дедушка! Разве не хорош? Как ты его находишь! – хохотала Ина, целуя руки дедушки и блестя своими черными, как угольки разгоревшимися глазами.

– Очень хороший танец! Ты его прекрасно танцуешь, Южаночка! – со смехом отвечал генерал.

– Рады стараться, ваше превосходительство! – вытягиваясь в струнку и скосив глаза в сторону, отрапортовала, как настоящий солдат Ина.

Потом с тем же веселым смехом прыгнула на колени дедушки и покрыла градом горячих поцелуев его глаза, губы, щеки и лоб.

* * *

В тот же вечер, тяжело вздыхая, Марья Ивановна раздевала Южаночку.

– Первую и последнюю ночь под дедушкиным кровом проводите, птишка вы наша голосистая, – говорила она, лю-

буясь разгоревшимся личиком девочки. — Мамашеньку вашу, покойницу Сашу мою, вынянчила, — продолжала со слезами в голосе добрая старушка, — мечтала на старости лет и вас понянчить, да видно, не привел Господь! Ах, кабы вам, птичка наша, пожить бы хоть недельку под крылышком дедушки! — горячо заключила она свою речь.

Южаночка мысленно соглашалась с доброй старухой. Если бы хоть одну недельку только можно было провести под крылышком этого милого, доброго, очаровательного дедушки!

Все, решительно, все говорило кругом о любви к ней и заботах этого чудного старичка!

Как прелестно выглядела ее комнатка, оклеенная заново веселыми голубыми обоями с прехорошенькой мягкой будущей мебелью с японскими ширмочками, за которыми приютилась ее уютная нарядная кровать и похожий на игрушку умывальник.

А все эти фарфоровые безделушки, расставленные с такой заботливостью на прелестном туалете и изящной этажерке в углу комнаты! А изящный столик, со всеми принадлежностями для письма, не исключая нарядного бювара из голубой кожи с вытесненными на нем золотом миниатюрными голубками. На всем, положительно на всем чувствовалась любящая и заботливая рука дедушки, приложившего все свое старание порадовать любимицу-внучку. И со всем этим приходилось расстаться... Расстаться не далее, как че-

рез сутки. С этой тревожной мыслью Южаночка, помолившись Богу, легла в постель. Институт представлялся ей каким-то мрачным чудовищным замком, где орудовала злая волшебница в лице «крысы» и где маленькие заколдованные принцессы-девочки томились у нее в неволе.

Не скоро уснула в эту ночь Южаночка. Но вот незаметно подкравшаяся дрема, так цепко опутала притомившуюся с дороги головку, что девочка и не слышала, как с легким скрипом открылась дверь ее комнаты и дедушка осторожно вошел сюда. Легкими шагами на цыпочках, затаив дыхание, генерал Мансуров приблизился к нарядной постели внучки, склонился над ней и осенил спящую девочку широким крестом. Потом нежно-нежно коснулся губами ее влажного лба и опустившись в близь стоявшее кресло, долго любовался темнокудрой головкой Ины и ее красивым смуглым личиком, чему-то сладко и радостно улыбаясь во сне.

Глава VI

Птичка попадает в клетку

Ровно через сутки Южаночка подъезжала с дедушкой к большому каменному зданию, окруженному деревьями и высокой железной решеткой. Лишь только их карета подкатила к подъезду, из дверей здания вышел старик швейцар, весь увешанный медалями и орденами. Он высадил дедушку и Южаночку из экипажа и ввел их в просторный вестибюль, где топился камин и было очень тепло и просторно.

– Доложи-ка, любезный, Эмилии Федоровне Бранд, что генерал Мансуров привез внучку и просит их выйти на минуту, – попросил дедушка швейцара.

– Слушаю-с, ваше превосходительство! – почтительно отвечал тот и поспешил исполнить возложенное на него поручение. Не прошло и пяти минут времени, как перед дедушкой и Иной с деревянной улыбкой на сухом, вечно недовольном лице, уже стояла госпожа Бранд и поклонившись официальным поклоном, заговорила отчеканивая каждое слово по своей привычке:

– Вы немного опоздали, генерал. Госпожа начальница уже не может принять вас сегодня. Я отведу девочку к ней завтра представиться, а теперь попрошу вас проститься с вашей внучкой, так как уже поздно и девочке необходимо сейчас

же лечь спать, чтобы успеть хорошенько выспаться до завтрашнего утра.

— До скорого свидания, милая моя Южаночка! — произнес дедушка и обняв Ину, он несколько раз подряд перекрестил ее дрожащей рукой и нежно поцеловал в разом побледневшую щечку. — До свидания, моя дорогая, дорогая девочка, завтра я приеду навестить тебя, а пока... — и еще раз прижав к своей груди черненькую головку генерал Мансуров поцеловал ее.

— Извините меня, генерал, — неожиданно зазвучал неприятный скрипучий голос классной дамы, но завтра мы не можем, к сожалению допустить вас повидать вашу внучку... Посещения родственников у нас бывают по четвергам и воскресеньям, два раза в неделю, только... Завтра же пятница и, стало быть...

— Значит, завтра я не увижу моего дедушку? — живо перебила свою новую наставницу Ина.

— Ты увидишь твоего дедушку в воскресенье, через три дня! — строгим, не допускающим возражений тоном отвечала госпожа Бранд.

— Никогда в жизни не соглашусь я на это! — горячо вырвалось из груди Южаночки. — Или пустите дедушку завтра или я ни за что на свете не останусь в вашем противном институте! Клянусь вам!

— Ты невозможная девочка! — пожалла плечами госпожа Бранд и длинное лицо ее стало еще длиннее.

– Дедушка, миленький, золотенький, ненаглядный мой! Возьми меня сейчас же отсюда, возьми сейчас! Или я умру дедушка! – со страстным отчаянием вырвалось из груди Ины и она цеплялась дрожащими руками за руку деда.

– Южаночка! Дитя мое! – мог только произнести глубоко потрясенный этим порывом внучки генерал и так грустно, так печально взглянул в лицо последней, что и гнев и отчаяние Ины исчезли в тот же миг.

– Если тебе это будет так неприятно, – пробормотала она вся краснея от смущения, – то я... то я... я останусь здесь... Но только ради Бога, навещай меня почаще дедушка! – дрогнувшим голосом заключила она.

– Разумеется, дорогая моя! Разумеется! – силясь замаскировать собственное волнение, произнес дедушка, – а теперь дай мне еще раз перекрестить и поцеловать тебя, крошка!

Чуть побледневшая с широко раскрытыми черными глазами, Ина подставила дедушке свое милое личико. Потом сама горячо и порывисто прижалась алыми губками к его морщинистой щеке и подавив тяжелый вздох, долго смотрела вслед старику, пока его высокая еще стройная фигура не скрылась за дверью.

Лишь только эта дверь захлопнулась за дедушкой Ина живо обернулась к Эмилии Федоровне и произнесла тоном не допускающим возражений.

– Пожалуйста, ведите меня скорее в спальню, только как можно скорее, а то мне расхочется туда идти.

Услыша этот тон, это приказание, в первую минуту госпожа Бранд была так удивлена, что буквально не могла произнести ни слова от изумления. С минуту она стояла, истуканом, с полуоткрытым ртом и с вытаращенными глазами. И вдруг разразилась, как буря.

– Как ты смеешь говорить так со мной! – крикнула она, топнув ногой.

Потом, поборов несколько обуявшую ее злобу, приказала швейцару снять с «новенькой» шубку и галоши, и крепко ухватив Ину за руку, повлекла ее из вестибюля куда-то наверх, по широкой, каменной лестнице.

Эмилия Федоровна неслась как разгневанная фурия по бесчисленным ступеням, ее костлявые пальцы впивались в руку Ины крепко, точно клещи. Девочка, своими маленькими ножками едва успевала за широко шагавшей спутницей.

Таким образом достигли они третьего этажа и вступили в длинный коридор, освещенный тремя-четырьмя висячими лампами. По обе стороны коридора находились двери, ведущие в дортуары, то есть спальни воспитанниц. Перед одной из них Эмилия Федоровна остановилась перевести дыхание, и воспользовавшись этим Ина подняла голову и прочла надпись, четко выведенную на доске прибитой к двери.

«Дортуар младшего класса».

Костлявые пальцы госпожи Бранд, по-прежнему цепкими клещами впивались в руку Южаночки. Последняя попробовала сделать усилие освободиться, но увы! Это не помогло.

Клещи вцепились сильнее. Потеряв всякое терпение девочка, вышла, наконец, из себя и резко проговорила, изо всех сил дернув рукой:

– Да отпустите же, меня наконец... Я не баран которого тащат насильно!

– Ты не баран, а глупая, дерзкая девчонка, которую следует примерно наказать! – задыхаясь от гнева, прошипела госпожа Бранд и широко распахнув дверь, втолкнула в нее Южаночку.

Девочка очутилась на пороге длинной комнаты, слабо освещенной зеленоватым светом ночника. Здесь стояло около сорока кроватей, уставленных четырьмя правильными рядами. На каждой из них лежала спящая фигурка, в белой кофточке, и таком же чепце.

Что это были за фигурки, Южаночка не успела хорошенько разглядеть, так как едва она очутилась в дортуаре, как Эмилия Федоровна схватила ее за плечи, подтащила к смутно белевшей в полумраке печке и, толкнув девочку лицом в угол, между стеной и печкой, прошептала со злостью:

– Наконец-то я добралась до тебя, скверная, дерзкая девчонка! Я буду наказывать тебя до тех пор, пока ты окончательно не исправишься. Поняла? Не изволь же выходить из угла до тех пор, пока я не приду за тобой, – и потрясая своим костлявым пальцем над черненькой головкой, Южаночки Эмилия Федоровна, уже окончательно расстроенная и негодующая, вышла из дортуара.

Глава VII

Песенка пробуждения

Южаночка осталась одна.

Лишь только госпожа Бранд скрылась, девочка стремительно повернулась лицом к белым фигуркам, всячески стараясь в полумраке разглядеть их. Оказалось что это были спящие девочки, приблизительно одного возраста с ней.

Ина обладала горячим, пылким воображением. В детстве она со страстным увлечением слушала сказки, которые ей рассказывали покойные родители, няньки и ее верные друзья-солдатики.

Особенно, запала ей в душу одна из них, в которой двенадцать спящих царевен, зачарованных злой колдуньей, просыпаются от песенки молодого пастушка, явившегося в темное подземелье Бабы-Яги.

И сейчас при виде темной огромной комнаты и стольких спящих девочек, эта сказка неожиданно пришла на память Ине.

И веселая шаловливая мысль в тот же миг толкнулась в ее голову.

— Уж не разыграть ли ей, Ине, роль освободителя-пастушка?

И прежде нежели здравый смысл пришел на помощь де-

вочке, она скрестила руки на груди, прислонилась к печке своей черной головенкой и лихо потряхнув кудрями, запела негромким, мелодичным голоском:

В подземелье я стою
Мою песенку пою...
Под чарующий напев
Встанет много спящих дев.
Пусть вспорхнут они как птички
Улетят из их темнички
На зло бабушке Яге,
Костяной, кривой ноге
Что девиц заворожила
По кроваткам разложила,
В подземелье я стою
Мою песенку пою.
Живо, девоньки, вставайте,
Злые чары разрушайте
На зло Бабушке-Яге
Костяной, кривой ноге.

– Кто это там поет? – произнес чей-то заспанный голос и с ближайшей к печке кровати поднялась кудлатая головка со съехавшим на затылок чепцом.

– Душки! Это привидение... Ай, как страшно! – пугливо пропищал другой голосок.

– Привидение в печке! Ай-ай, боюсь-боюсь!

– Это не привидение, а разбойник!

– Разбойник забрался в печку.

– Нет, нет! Он стоит около печки, я вижу его черную фигуру. Ай-ай-ай!

– Нет, это не разбойник. Разбойник не станет петь.

– И так хорошо петь. Так чудесно! – восторженно отозвался новый голосок.

– Слушай, если ты не разбойник и не привидение, то кто же ты там, фигура у печки?

– Да, да, кто ты? Кто ты? Говори скорее! – понеслось из всех углов длинной полутемной спальни.

– И вслед за этим какая-то белая тоненькая фигурка во весь рост вытянулась на постели, одним прыжком перескочила на высокий ночной столик стоящий как раз под висевшим над ним ночником. Затем к ночнику протянулась маленькая ручонка и в тот же миг в дортуаре «младших» стало светло, как днем.

Глава VIII

Новые подруги

- Ах, что за красоточка-девочка!
- Это новенькая?
- Ты новенькая?
- Прелесть! Дуся! Очарование! Позволь мне, душка поцеловать тебя!
- Смотрите, душки, у нее волосы как смола!
- У нее смоляные кудри!
- А глаза точно две звезды!
- Савельева, ты могла бы не прибавлять «две». Всем известно, что трех глаз у людей не бывает.
- Не учи меня, Лина Фальк! Ты несносна!
- Mesdames, не ссорьтесь. Новенькая, как тебя зовут?
- Как твоя фамилия?
- Послушай, ты ужасно хорошенькая. Настоящий амурчик. И какая румяная!.. Мы все такие бледнуши перед тобой. А Фальк так та около тебя тень-тенью. Впрочем, Фальк первая ученица. Учится лучше всех...
- Оттого что Фальк долбяшка. Пережевывает по сто лет каждую строчку.
- Неправда, ты сама зубрила-мученица. Отвяжись от меня... Новенькая, отвечай же нам. Что же ты молчишь, как

рыба?

Оглушенная, градом посыпавшихся на нее вопросов, заторможенная всеми этими так неожиданно окружившими ее девочками, Ина едва ли смогла сразу удовлетворить их любопытство. Шум, смех, бурные излияния восторга и начинавшая уже разгораться пикировка все это ошеломило не привыкшую к ничему подобному девочку.

К тому же все эти незнакомые институтки в свою очередь, завладели вниманием Ины. Таких девочек в жизни своей еще не видела Ина. Там на далекой южной окраине под горячими лучами солнца, среди благодатных условий природы, где прошло ее раннее детство, она видела здоровых, рослых, загорелых и румяных детей. Эти же девочки были такие худенькие, худенькие, изжелта-бледные, хрупкие и слабенькие на вид, точь-в-точь как ранние, чахлые, северные цветочки. Правда две три из них казались толстушками, но те же бледные щеки, те же вялые руки и отпечаток усталости был виден и на их лицах. Крепкая, румяная, на диво здоровенькая Южаночка казалась настоящей красавицей среди них.

Оглядев наскоро своих новых подруг, Ина со свойственной ей одной живостью заявила, что ее фамилия Палтова, а прозвище Южаночка, что приехала она с «крысой» из полка к бабушке и Сидоренко с дальней окраины России, и что не успела носа показать сюда, как уже была наказана «крысой».

– Южаночка! Какое прелестное, поэтичное имя! А зовут как? Ина? Чудесно тоже! А кто это крыса?

– Южаночка! Южаночка! Ах как это звучит хорошо! – восторгалась худенькая белокурая девочка с большими синими глазами.

– Да врет она все! И смеется над нами! – неожиданно рассердилась высокая, белобрысая, некрасивая Фальк с подслеповатыми глазками и золотушным лицом. – Не дает только спать по ночам, – всех перебудила бессовестная! Проучить бы ее хорошенько! – метнув сердитым взглядом по адресу Ины, заключила она.

– Ну, да! Так вот сейчас и проучить? Уж очень ты притка, Каролина! – выступила вперед курносенькая, миловидная девочка, с препотешно торчащими из-под чепца вихрами непокорных волос, и бесцеремонно взяв Ину за руку, обратилась к ней:

– Послушай, новенькая, Расскажи толком, какая крыса наказала тебя?

Южаночка быстрым взором окинула вихрастую девочку и улыбнулась ей доверчиво и ласково. Вихрастая девочка со своим вздернутым носиком, быстрыми темными глазами и с короткой заячьей губой, не скрывавшей редкие, как у щуки острые маленькие зубы, очень понравилась ей.

– Меня наказала крыса, то есть Эмилия Федоровна Бранд, разве вы не знаете ее? – в свою очередь обратилась с вопросом к толпившимся во круг нея девочкам Ина.

– Ха, ха, ха, ха! Ха, ха, ха, ха! – неожиданно разразились веселым смехом четыре десятка детских голосов, – ха, ха, ха,

вы слышите, mesdam'очки, это она нашу Мильку прозвала крысой, ха, ха, ха, ха!

Потом вихрастая девочка обвила рукой плечи Ины и ласково заглянув ей в глаза смеющимися глазами проговорила:

– Молодец Южаночка! Вот ведь как остроумно окрестила Мильку! Люблю за это! Молодчина! И я такая же! Познакомимся же: меня зовут Даня Верховская, а прозвали меня все эти, – тут курносенькая девочка бесцеремонно ткнула пальцем в подруг, – Щучкой. Зубы у меня видишь ли как у щуки, ну вот щучка и готова. У нас это просто делается, в один миг!

– А меня прозвали Цаплей. Моя фамилия Цаплина, а зовут Зоя!

И миловидная, синеглазая, белокурая девочка, только что громко восторгавшаяся наружностью Ины выступила вперед.

– А я Гаврик! – Шалунья Гаврик, честь имею представить-ся! – И откуда-то вынырнула необычайно живая, подвижная девчурка лет одиннадцати с бойким, задорным видом, с насмешливыми синими глазами и коротко стриженной под гребенку, как у мальчика, головой.

– Я – Жемчуженка!

– Я – Николаева!

– Савельева!

– Ланская!

И целый град имен, прозвищ и фамилий посыпался на Ину.

Девочки теснились к новенькой, перебивая друг друга, засыпали ее вопросами, бесцеремонно целовали ее и пожимали ей руки, сразу поддаваясь тому неизбежному очарованию, которым обладал этот прелестный ребенок. Одна только Фальк держалась в стороне. Ее худое, бледное, подслеповато-золотушное лицо хранило на себе печать презрения и надменности. Неприятная гримаса то и дело морщила его. Тонкие губы Лины улыбались недобро и неприветно.

– Надулась наша мышь на крупу! – поймав один из ее недоброжелательных взглядов, проговорила Гаврик и наморщила свой хорошенький носик.

И тотчас же обращаясь к Ине проговорила шепотом, но так что и Лина и все другие могли ее услышать:

– Ты, Южаночка, остерегайся этой Линки. Она племянница крысы и то и дело к ней с доносами шлепает! Племянница достойная тетушки... Кто из них лучше: Милька – крыса или Фискалка – Фальк, ей-Богу уж и не...

Но Гаврик не суждено было закончить фразы. Чьи-то легкие крадущиеся шаги послышались в коридоре. Девочки как стоя испуганных птиц шарахнулись в стороны, и не прошло и трех секунд, как они уже лежали в своих постелях, точно и не оставляли их с той минуты, как ложились спать.

Дверь скрипнула и Эмилия Федоровна Бранд по явилась на пороге дортуара.

– Ступай спать и да послужит тебе уроком сегодняшнее наказание, – проговорила она, подойдя к Южаночке и взяв

ее за руку. Потом она подвела девочку к пустой кровати, стоявшей близ дверей – вот твое место. Ложись спать и помни, что с завтрашнего дня ты должна окончательно переродиться и забыть все свои мальчишеские выходки и шалости. Они неуместны здесь в институтских стенах.

И, проговорив это, Эмилия Федоровна исчезла так же быстро, как и появилась, за порогом спальни.

Южаночка живо разделась, наскоро заплела в косичку свои непокорные кудри и, юркнув в постель, показавшуюся ей такой жесткой и неудобной, заснула очень скоро, утомленная массой новых, живо сменяющихся впечатлений.

Глава IX

Первый враг

Ина крепко спала, не видя и не слыша того, что происходило вокруг ее кровати.

Между тем, утро уже наступило. Гулко и весело где-то звенел колокольчик. Под эти звуки просыпались девочки, наскоро накидывавшие на себя нижние юбки, натягивали чулки и неуклюжие казенные ботинки и бежали наперегонки умываться в соседнюю с дортуаром умывальню.

Смех, визг, веселая болтовня и хохот наполняли спальню.

Только одна Южаночка крепко спала, не слыша всей этой кутерьмы и шума.

Возвратившиеся из умывальной девочки порозовевшие от холодной воды, быстро причесывались и, помогая друг другу, надевали зеленые камлотовые платья, белые передники, белые нарукавники и такие же белые пелеринки, завязывавшиеся под горлом небольшим изящным бантом.

— А новенькая-то все спит. И звонка не слышала. Верно очень утомилась с дороги, бедняжка, надо ее разбудить, однако, — с сокрушением произнесла белокурая Зоя Цаплина и хотела было подойти к Ине, как длинная как палка худая Фальк опередила ее, стремительно подскочила к спящей Южаночке и довольно грубо взяв ее за плечо, проговорила,

своим резким неприятным голосом:

– Вставай! Вставай! Нечего прохлаждаться – опоздаешь к молитве... Я дежурная сегодня и еще попадет за тебя. Изволь сейчас же вставать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.